УДК 329.1/6.; 323.22

Андрей ПЯТАКОВ

ЧИЛИЙСКИЕ И ФРАНЦУЗСКИЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОТЕСТЫ В 2018–2020 гг.: КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ

Статья поступила в редакцию 24.09.2020

Аннотация. Статья посвящена сравнительному анализу социальных волнений в Чили в 2019–2020 гг. и протестного движения «желтых жилетов» во Франции в 2018–2020 гг. Чилийский случай наиболее показателен в контексте волны недовольства, развернувшейся в Латинской Америке в 2019 г. Это обстоятельство дает возможность провести параллели с французскими протестами. Выявлен ряд общих характеристик обоих явлений: наличие «случайных» триггеров массовых выступлений, продолжительность и устойчивость, отсутствие оформленного политического и партийного лидерства, радикализм выражения недовольства, переход от ситуативных требований к долгосрочным политическим и социальным целям. К числу различий можно отнести социальный состав и характер структурной организации. Преобладание общих черт дает основание выдвинуть гипотезу о единой фундаментальной основе обоих случаев. Рассмотрены реакция французских интеллектуалов на волнения в Чили и сходства протестных движений в двух государствах.

Ключевые слова: Чили, Франция, социальный протест, «желтые жилеты», триггеры протестов, кризис политической презентации.

Период 2018–2020 гг. имеет все шансы войти в анналы новейшей всемирной истории под знаком бурного всплеска социального недовольства. Мировой общественно-политический процесс, вплотную столкнувшись с вызовом активного проявления низового социального протеста, начал входить в новую фазу общественной турбулентности. В указанный промежуток времени социальным кризисом были охвачены более сорока стран¹. В связи с этим есть основания констатировать феномен глобальной протестной волны, приостановленной пандемией коронавирусной инфекции. Данное явление затронуло большинство регионов мира, однако в евро-

¹ Далее мы оставим за скобками отдельные страновые эпизоды социальных волнений, выходящие за рамки европейского и латиноамериканского региона. Ближне- и средневосточные (Судан, Египет, Ирак, Иран, Ливан, Алжир) и южноазиатские (Пакистан, Индия) процессы выступают существенными компонентами глобальной протестной волны 2019 г., однако выходят за рамки настоящей статьи.

пейском и латиноамериканском регионах оно разворачивалось с опережением, отличаясь с самого начала особой остротой и интенсивностью.

Франция и Чили в контексте протестного движения

Географической стартовой площадкой глобальной протестной волны стал европейский регион. Уже в конце 2018 г. массовые акции гражданского неповиновения имели место во Франции, Бельгии, Португалии, Венгрии, Сербии и Албании. В 2019–2020 гг. картину дополнили протестные выступления в Чехии, Польше, Словакии, Румынии, Мальте, Черногории и Болгарии. В большинстве случаев протесты не носили долгосрочный характер и развивались в формате спонтанного выплеска накопившегося недовольства. Исключение составили «желтые жилеты» во Франции (далее – ЖЖ), которые продемонстрировали способность ставить цели, выходящие за рамки сиюминутных требований.

Вторым региональным вариантом социальных волнений стала «латиноамериканская весна» [Окунева, 2019]. Здесь протестная волна стартовала в начале 2019 г. и достигла кульминации к осени, глубоко затронув по меньшей мере восемь стран. В первое полугодие волнения охватили Гаити и Венесуэлу, а затем переместились в пять южноамериканских, а точнее андских стран – Эквадор, Боливию, Чили, Перу и Колумбию; и в одну карибскую – Пуэрто-Рико. Для Венесуэлы беспорядки правой оппозиции уже давно стали константой внутривнутриполитического процесса, поэтому ничего экстраординарного в них не было. Именно на вышеперечисленные пять государств Андской группы пришелся региональный пик волнений. Здесь прослеживается структура протестов, аналогичная европейской. В большинстве случаев беспорядки носили импульсивный и краткосрочный характер. Так, в Эквадоре волнения из-за отмены субсидий на топливо уместились в период с 3 по 12 октября 2019 г. [Пятаков, 2019]. По схожей траектории развивался постэлекторальный кризис в Боливии, где после ухода Э. Моралеса с поста президента трехнедельные протесты прекратились. В Перу активность несогласных с роспуском парламента длилась три недели, но остановилась после назначения выборов. Колумбия к концу 2019 г. за месяц пережила три общенациональных забастовки против социально-экономической политики, но затем протест неожиданно затих.

Из всего спектра латиноамериканских волнений чилийские занимают особое место. Во-первых, они выделяются наибольшей устойчивостью – их не смогло остановить даже введение карантина в мае 2020 г., хотя активность недовольных снизилась. Во-вторых, им свойственны массовость и широта социальной базы. В большинстве других случаев, за исключением Эквадора, общественная поддержка акций была гораздо слабее. В-третьих, их отличает широта социально-политических требований, не сводящихся лишь к призыву отстранения от власти тех или иных политиков. Те же параметры выделяют движение ЖЖ на фоне европейских протестов. Чилийский и французский примеры максимально сопоставимы друг другу. Рассмотрение общих черт данных социальных феноменов открывает возможность продвинуться в осмыслении всего процесса глобальных протестов.

Есть и еще одно теоретико-методологическое основание, общее для обоих случаев: возможность провести системное исследование, когда объект обладает высокой степенью зрелости, и процесс его формирования в основном находится в за-

вершенном состоянии. Чилийский и французский протестные феномены с исследовательской точки зрения отвечают подобным требованиям. В связи с их неясным будущим хронологические рамки сравнительного анализа целесообразно ограничить временным отрезком от их возникновения до введения карантинных мер.

Линии пересечения и расхождения

Оба протестных движения имеют ряд как прямых, так и косвенных общих черт в общественно-политической практике. Речь идет о таких линиях сопряжения, как проявление солидарности, реакция друг на друга, мимикрия и перенос форм выражения протеста. Апелляции одного движения к другому в ходе развития протестного процесса зафиксированы в редких случаях. То же самое касается и выражений солидарности. Периодически в ходе акций протеста в Чили можно было встретить отдельных людей, одетых в желтые жилеты, однако такая практика не приобрела массового характера.

В манифестациях ЖЖ участвовали представители чилийской диаспоры, о чем свидетельствуют появившиеся на Триумфальной арке надписи радикального содержания на испанском языке со специфическими оборотами, характерными для этой южноамериканской страны. Также протестующие периодически скандировали чилийский лозунг времен Народного единства «Единый народ непобедим». Во Франции из латиноамериканских эмигрантов чилийские – одни из самых многочисленных. Учитывая тот факт, что основным мотивом переезда были репрессии во время правления Пиночета, это в основном политические эмигранты с достаточно активной гражданской позицией и, как правило, левых взглядов. В связи с этим участие чилийцев в акциях ЖЖ выглядит вполне предсказуемым.

Французы неоднократно выражали поддержку протестам в Чили. Так, 26 октября 2019 г. во время пятидесятого выступления ЖЖ прошел митинг перед чилийским посольством в Париже с осуждением жестких действий чилийских карабинеров. Он был организован после состоявшегося в Сантьяго 25 октября беспрецедентного по численности и уровню организации «Самого крупного марша Чили», собравшего только в столице 1,2 млн человек [Manifestación, 2019]. Спустя два дня было обнародовано коллективное письмо под названием «Декларация ученых из Франции о ситуации в Чили» с осуждением действий полиции в отношении манифестантов, подписанное представителями французского академического сообщества. Подписи под документом поставили 107 ученых, часть которых были выходцами из латиноамериканских стран. В обращении, в частности, говорилось: «Мы хотим выразить нашу обеспокоенность драматической ситуацией с правами человека в Чили» [Declaración, 2019].

В Чили возникло собственное движение ЖЖ, схожее с оригиналом только по форме, но не по содержанию. Систематические акции вандализма в чилийских городах побудили местных жителей самоорганизоваться в группы по обеспечению безопасности. Вооружившись битами и палками и надев желтые жилеты, горожане патрулировали улицы с целью предотвратить грабежи супермаркетов и участвовавшие налеты на частные дома [Los «chalecos amarillos», 2019]. Координация действий осуществлялась через мессенджер WhatsApp. Впервые подобные патрули были зафиксированы 22 октября 2019 г. в Сантьяго спустя три дня после объявле-

ния чрезвычайного положения и введения комендантского часа. Таким образом чилийские ЖЖ выполняли функцию поддержки общественной безопасности и профилактики радикализма. По поводу такого своеобразного внешнего переноса французской протестной атрибутики в чилийскую реальность Жаклин Мурад, давшая один из первоначальных импульсов ЖЖ, в интервью чилийским СМИ отметила: «К сожалению, они предали дух “желтых жилетов”» [Fundadora, 2019].

На правительственном уровне с чилийской стороны предпринимались попытки установить контакты с французскими властями с целью более эффективного разрешения социального конфликта. Так, в конце ноября 2019 г. правительство Себастьяна Пиньеры сделало запрос в силовые (в частности, полицейские) ведомства Франции, Великобритании и Испании о проведении консультаций по вопросам методов поддержания и обеспечения общественного порядка. В контексте интенсивных контактов между силовыми ведомствами [Костюк, 2015] можно было ожидать отклика. Однако передача опыта не состоялась: Франция ответила на предложение отказом, заявив, что все проекты, которые были запланированы, отложены.

Обращает на себя внимание символическое совпадение по времени обоих протестных ситуаций, которые возникли 18 октября с разницей в год. Именно в этот день 2018 г. француженка Ж. Мурад опубликовала в своем аккаунте в сети Facebook пост с видео, критикующим введение экологического налога, приведшего к увеличению цен на топливо. Видео собрало шесть миллионов просмотров. 18 октября 2019 г. в Чили произошел качественный переход от традиционного и ставшего уже привычным мирного студенческого протеста, начавшегося 14 октября, к принципиально иным, более массовым и радикальным формам выражения недовольства, включая захват и поджог станций метро, другие акции вандализма, повсеместное возведение в Сантьяго баррикад и столкновения с карабинерами. Именно дата 18 октября 2019 г. – исходная точка чилийского социального взрыва.

Таким образом, внешних параллелей и пересечений в общественно-политической практике чилийских и французских протестов немного. Однако этого нельзя сказать о внутренней схожести обоих случаев.

Пересечения общего и особенного

Обоим протестам присуща слабая структурированность и кажущаяся аморфность. Парадоксально, что при этом в обеих странах наблюдалась очень высокая координация действий протестующих. Это обстоятельство обусловлено тем, что инструментом управления и взаимодействия стали социальные сети. Данный информационно-технологический фактор стал своеобразной компенсацией отсутствия четко оформленной внутренней структуры движений. Структурное строение соцсетей стало заменой внутренней организации протестующих по обе стороны Атлантики, самоорганизованных по сетевому принципу.

Характерно также отсутствие явного лидерства в движениях: оба они носили горизонтальный, а не иерархический характер. Данное обстоятельство, как показала практика протеста, выступает одновременно и преимуществом, и недостатком. С одной стороны, для власти отсутствие представительства значительно затрудняет, если вообще не исключает, возможность диалога. Де-факто оказывается, что вести переговоры не с кем. Не потому ли власти как Франции, так и Чили быстро

пошли на уступки и удовлетворение ряда требований протестующих? Так, в южно-американской стране повышение тарифов на проезд в метро было отменено уже на следующий день после начала массовых выступлений (19 октября 2019 г.). Руководство Франции продемонстрировало большую выдержку: отмена закона о повышении цен на топливо произошла после второго выхода ЖЖ – 5 декабря 2018 г. Впоследствии попытки организации общественного диалога все же были предприняты обоими правительствами, но велись они не кулуарно, а с привлечением широких масс. В Чили через три недели выступлений министр социального развития инициировал общенациональные дебаты под названием «Гражданские диалоги». В них приняли участие представители 345 местных органов самоуправления (коммун) [Gobierno, 2019]. Во Франции проводились «Большие национальные дебаты», длившиеся три месяца. С января по март 2019 г. было организовано десять тысяч собраний, в них приняли участие более шестисот тысяч французов. В обоих случаях диалоги были организованы не как переговоры с протестующими, но как широкое общественное обсуждение внутренних проблем.

В то же время отсутствие лидерства не может не сказываться на интенсивности протестных выступлений. Во Франции численность участников в первый месяц протестов стабильно превышала порог в сто тысяч, но уже со второй половины декабря обнаружилась тенденция к двукратному снижению [Шумаков, 2019: 24]. К июлю 2019 г. численность сократилась до 5,7 тыс. В Чили кульминация пришлась на период 25–27 октября 2019 г., когда во многих городах прошли беспрецедентные по массовости демонстрации, но подобного подъема не повторилось. Безусловно, отсутствие лидерства – один из факторов спада активности. Таким образом, данная характеристика остается слабой стороной общественных протестов.

В тактике протестующих также есть сходства и различия. В Чили не было четкой регулярности и цикличности выступлений, как во Франции, где акции проводились каждую субботу. В обоих случаях целями манифестантов становились «болевые точки» городов. Так, ЖЖ собирались в местах притяжения туристов, что фактически парализовало эту отрасль экономики Парижа. В Чили удар был нанесен по транспортной инфраструктуре Сантьяго. В ходе радикальной фазы протестов были сожжены четырнадцать станций столичного метро, семидесяти был нанесен значительный ущерб. В результате власти прибегли к полному закрытию этой транспортной артерии на неограниченный срок, что де-факто парализовало город (ежедневно метро Сантьяго перевозит около трех миллионов человек). Пострадал и столичный автобусный парк. Зачастую манифестанты сжигали автобусы или использовали их как баррикады, повалив их на бок. В целом в Чили протест был гораздо радикальнее, чем во Франции. Но и в последней имели место случаи радикализма: поджоги ресторанов, банковских отделений, киосков с прессой, вандализм в музеях и пр. В Чили же были зафиксированы случаи нападения на административные учреждения и корпорации (в частности, был атакован офис компании ENEL, занимающейся производством и распределением электроэнергии и газа).

В обеих странах совпадает крайне жесткая реакция властей на протесты. Во Франции по решению Эммануэля Макрона была проведена мобилизация, и военные обеспечивали общественный порядок во время комендантского часа, введенного в четырнадцати городах страны. В Чили также впервые за тридцатилетнюю историю демократического транзита к подавлению общественного недовольства была

привлечена армия. На следующий день после перехода протеста в радикальную фазу (19 октября 2019 г.) власти ввели комендантский час в пятнадцати столицах регионов.

Как в Чили, так и во Франции география распространения протестов максимально широка. Для глобальной протестной волны характерны в основном столичные акции. Но данные два случая – чилийский и французский – существенно выделяются на общемировом фоне. Во Франции, помимо Парижа, протестами были охвачены ключевые города – Марсель, Тулуза, Бордо и другие, а также многочисленные провинциальные населенные пункты. Размах чилийского протеста наглядно иллюстрирует география чрезвычайного положения, введенного в двух третях регионов страны.

На этом фоне четко просматриваются и отличия: социальная база движений в Чили оказалась шире, чем во Франции. По поводу состава ЖЖ П.П. Тимофеев отмечает: «Социальной базой движения стали низы среднего класса – рабочие, служащие, самозанятые, безработные, пенсионеры. ... Протестующие – вовсе не люмпены (их "желтый жилет" – обязательный атрибут автомобилиста, подразумевает наличие автомобиля)» [Тимофеев, 2019: 36]. В Чили социальная база протеста, несомненно, включала низшие слои среднего класса, но дополнялась еще некоторыми социальными группами. Под влиянием экономической политики С. Пиньеры в последние годы стремительно развивался процесс маргинализации средних слоев – тенденция, затронувшая все без исключения страны Латинской Америки. В связи с этим можно констатировать, что ключевыми элементами протеста стали бедные городские слои, а также социально уязвимые группы средних слоев, рискующие оказаться в слоях более низких. О разнице социальных баз свидетельствуют и триггеры, запустившие протесты. Если во Франции рост цен на топливо действительно затрагивал интересы среднеобеспеченных категорий населения, то в Чили незначительное повышение стоимости проезда в метро – с 800 до 830 песо (примерно 67-70 руб.) оказалось болезненным для широких слоев населения, особенно молодежи. Важное отличие чилийских протестов – активное участие студенчества и школьников старших классов (они, кстати, и запустили волнения). Эти группы, объединенные в собственные профсоюзы и организации, выступают важными игроками на чилийской политической арене. О широте социальной базы протеста в Чили свидетельствует и численность протестов. На пике волнений в манифестациях участвовало до полутора миллионов чилийцев, т.е. восемь процентов населения страны.

Общим аспектом обоих протестов стал постепенный переход от сугубо конъюнктурных и ситуативных требований, ставших спусковым механизмом выступлений, к постановке более широких проблем. Это объясняется не только тем, что власти оперативно отменили непопулярные меры, спровоцировавшие выход людей на улицы. Сами протесты стали механизмом актуализации в общественном сознании давно накопившихся фундаментальных проблем, которые ранее не рассматривались в практической плоскости. Впрочем, и здесь имеет место существенное отличие чилийской ситуации от французской. Программа-максимум протестующих в южноамериканской стране приобрела широкий общественно-политический характер, тогда как ЖЖ ограничились социальной и экономической проблематикой. В Чили центральным пунктом стало проведение давно назревшей конституционной реформы, т.е. ставилась задача реформирования внутреннего политического

пространства и создания новых правил внутривнутриполитической жизни. На практике она была оформлена в виде требования созыва Конституционной ассамблеи. Действующая Конституция была разработана еще при диктатуре Пиночета, и весь демократический транзит проходил под знаком этого рудимента прошлого. В 2015–2016 гг. левоцентристский президент М. Бачелет, почувствовав, что проблема назрела, организовала общественные консультации с целью собрать предложения по реформе Основного Закона [Дьякова, 2018]. На локальном и региональном уровне были проведены дискуссии с участием около двухсот тысяч чилийцев. Однако процесс зашел в тупик: выработанные предложения были оформлены в законопроект и переданы президентом на апробацию в Конгресс, где он не был одобрен. Этот эпизод чилийцы не забыли, и октябрьские события 2019 г. вновь актуализировали проблематику реформирования Конституции. В итоге 27 декабря 2019 г. президентским декретом была назначена дата проведения общенародного голосования по вопросу о созыве Конституционной ассамблеи – 26 апреля 2020 г. Пандемия COVID-19 стала объективным препятствием на пути проведения плебисцита: дата была перенесена на 25 октября 2020 г. В результате 80% чилийцев проголосовали за разработку новой конституции.

В Манифесте ЖЖ, опубликованном 29 ноября 2018 г., превалировали требования социального порядка, большинство которых выглядело если не утопичными, то слабореализуемыми в условиях существующего общественно-экономического порядка: обновление аппарата чиновников для восстановления качества госуслуг (пункт 3), массовое строительство социального доступного жилья (п. 4) и др. Многие требования носили потребительский и экологический характер: запрет на продажу пластиковой посуды, обеспечение сроков гарантий на промышленные товары до десяти лет и прочее. Следует отметить, что в общем списке требований звучали и политические мотивы, но перевести их в практическую плоскость так и не удалось. Например, стремление ввести в действие институты прямой демократии – Генеральные штаты Франции, а также практику регулярных референдумов гражданской инициативы на всех уровнях, включая местные, по решению тех или иных конкретных задач. Это предложение соотносится с популярной в антиглобализме идеей о партисипативных бюджетах, где граждане сами решают, куда направить финансовые средства местного бюджета. Отчасти она была воплощена в жизнь в период левой администрации в бразильском городе Порту-Алегри, но такая практика продлилась недолго. Политическая составляющая Манифеста включала и предложение модифицировать в интересах народа Конституцию, но центральным, как в чилийском случае, оно не стало. Пожалуй, ключевым достижением протеста ЖЖ стала отмена пенсионной реформы.

Чилийский протест носил отчетливый леворадикальный характер. Участие в нем сторонников правых взглядов было минимальным и эпизодичным. Рефреном выступлений было требование покончить с наследием правой диктатуры Пиночета, которое, по мнению протестующих, не было искоренено в ходе последующего демократического транзита. Во Франции протестное движение не было ни правым ни левым. В этом, в частности, состоит отличие нынешнего французского протеста от «красного мая» 1968 г.

На манифестациях ЖЖ нельзя было встретить ни красных флагов, ни пения Интернационала, ни прочих атрибутов левой повестки. Среди социальных требова-

ний также отсутствовали такие типично левые лозунги, как реформирование трудового кодекса и сокращение рабочей недели. Спорадически случались ксенофобские эксцессы, – выкрикивались расистские и антимигрантские лозунги. Протестующие как-то остановили автобус со скрывающимися нелегальными иммигрантами, и те были переданы в руки полиции, однако и доминантой выступлений такие случаи не стали. В целом ЖЖ дистанцировались от ведущих как левых, так и правых партий. Характеристика внепартийности протеста также выступает общей для волнений в рассматриваемых странах. Социалистическая и коммунистическая партии Чили выражали одобрение и поддерживали протест, однако сильного влияния в нем не имели. То же самое можно сказать и о ЖЖ, – хотя о поддержке движения «жилетов» заявили лидеры ключевых парламентских партий всего спектра: от правого «Национального объединения» до левых партий «Социалистическая Франция» и «Непокоренная Франция».

Тот факт, что оба движения не поддались влиянию ни левых, ни правых партий, затрагивает самые глубины протестных мотивов. Помимо широкого спектра социально-экономических факторов – роста неравенства, падения доходов, уровня жизни и прочее, есть общий общественно-политический аспект, оказавший ключевое влияние на протесты. Речь идет о проблеме слабой политической репрезентации широких слоев населения. Кризис института представительной электоральной демократии выступает одной из фундаментальных причин, общей для подавляющего большинства выступлений глобальной протестной волны. Различные причины социально-экономического порядка выступают дополнительными стимулирующими факторами, а отдельные социальные требования лишь обрамляют эту фундаментальную политическую неудовлетворенность.

Одним из главных симптомов кризиса политической репрезентации является абсентеизм. Как показали итоги последних голосований, он присущ обеим странам. Например, во Франции на парламентских выборах 2017 г. уровень участия в первом туре составил 48,7% электората, а во втором снизился до 42,6%. Данные цифры наглядно демонстрируют степень разочарования электората в возможности действительного представительства своих интересов в законодательном органе. Комментируя данную тенденцию, французский исследователь и писатель Кристоф Гийи дал следующую оценку: «Народные классы начали длительный процесс политического и культурного отчуждения. От пригородов до периферии Франции все общественные слои отворачиваются от системы политического, профсоюзного и медийного представительства» [Guilluy, 2017: 182–183].

Чилийские протесты также стали формой выражения настроений наиболее активной части «молчаливого большинства», которое не было представлено в большой политике. Так, С. Пиньера, избранный в 2017 г., является президентом меньшинства: из 14 млн чилийцев, имевших право голоса, за него отдали голоса 3,8 млн. На парламентских выборах того же года к избирательным урнам пришло только 46% электората. Таким образом, можно предположить, что в обоих государствах на улицы вышли протестовать люди, разочаровавшиеся в институтах власти и в методах их формирования.

С данным сходством тесно сопряжена и социально-культурная типологическая близость. Обе страны имеют глубокие и устойчивые в общественном сознании исторические традиции социального протеста. Во многом данное обстоятельство объ-

ясняет вызревание «альтернативной культуры». Как в Чили, так и во Франции протесты ориентированы на разрыв с актуальной доминирующей социально-политической культурой, ее неприятие как элитистской. Мнение, высказанное французскими исследователями о ЖЖ, вполне подходит и для описания природы чилийского недовольства: «Для “желтых жилетов” очень важен антагонизм между теми, кто “живет своим трудом” и избранными лицами, профессионалами, которые “живут от политики”» [Confavreux, 2019: 93]. При этом оба протестных кейса нельзя свести к формату спонтанного социального бунта.

Выводы

Кризисы во Франции и Чили обладают уникальными характеристиками – это устойчивость протестной активности и выдвижение фундаментальных требований, выходящих за рамки конъюнктурной ситуации. Вместе с тем ряд параметров, отличающих чилийские протесты, позволяет квалифицировать их как более зрелые, что связано с постановкой и, главное, достижением широких политических целей. Оба протеста переживали к концу 2020 г. нисходящий этап своего развития, – спад активности, угасание радикализма и напора. Тем не менее вопрос об их будущем остается открытым. Пандемия коронавируса и карантинные меры способствовали переводу конфликтности в латентное состояние, но коренных причин социальных взрывов они не ликвидировали. В связи с этим возможно, что мир рано или поздно столкнется со второй фазой глобальной протестной волны. Можно предположить, что французский и чилийский протесты будут реанимированы уже новыми, усугубившимися вследствие пандемии социально-экономическими условиями.

Список литературы

- Дьякова Л. В. (2018) Чили: ревизия старых компромиссов. *Латинская Америка*, № 2. С. 5–15.
- Костюк Р.В. (2015) Латиноамериканская политика Франции при Франсуа Олланде (2012–2014 гг.) *Латинская Америка*, № 4. С. 14–22.
- Окунева Л.С. (2020) Латинская Америка пришла в движение: в чем смысл социальных протестов октября 2019 года? *Латинская Америка*, № 1. С. 8–21. DOI: 10.31857/S0044748X0007755-9
- Пятаков А.Н. (2020) Феномен социальных протестов в Латинской Америке в 2019 г. Глобальный контекст и эквадорский case-study. *Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика*. Т. 12. № 2. С. 7–43.
- Тимофеев П.П. (2019) Влияние движения «желтых жилетов» на политику Франции: предварительные итоги. В кн. *Меняющийся Запад и его роль в регулировании глобальных процессов*. ИМЭМО, Москва. С. 33–44.
- Шумаков А.А. (2019) «Желтые жилеты»: генезис движения. *Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки*, № 1. С. 19–32.

References

- Confavreux J. (dir.) (2019) *Le Fond de l'air est jaune, Comprendre une revolte inedite*. Paris. Le Seuil. 220 p.
- Declaración de académicas y académicos desde Francia sobre la situación en Chile. (2019). URL: <https://rebelion.org/declaracion-de-academicas-y-academicos-desde-francia-sobre-la-situacion-en-chile/> (accessed: 16.09.2020).
- D'jakova L. V. (2018) Chili: revizija staryh kompromissov. *Latinskaja Amerika*. № 2, pp. 5–15.
- Kostyuk R.V. (2015) Latinoamerikanskaya politika Francii pri Fransua Ollande (2012–2014 gg.) *Latinskaya Amerika*. № 4, pp. 14–22.

Fundadora de "chalecos amarillos" de Francia: "En Chile traicionan la esencia del movimiento". (2019). URL: <https://www.eldinamo.cl/nacional/2019/11/15/fundadora-de-chalecos-amarillos-de-francia-en-chile-traicionan-la-esencia-del-movimiento/> (accessed: 17.09.2020).

Gobierno reformula sus diálogos ciudadanos tras arremetida de alcaldes. La Tercera. Chile. (2019). URL: <https://www.latercera.com/politica/noticia/gobierno-reformula-dialogos-ciudadanos-tras-arremetida-alcaldes/894349/> (accessed: 19.09.2020).

Guilluy Ch. (2017) *Le crépuscule de la France d'en haut*, Paris, Flammarion/Champs actuel, 272 p.

Los «chalecos amarillos» chilenos que protegen sus barrios versus los franceses que se toman las calles. URL: <https://ellibero.cl/actualidad/el-contraste-entre-los-chalecos-amarillos-chilenos-que-cuidan-sus-casas-y-los-franceses-que-se-toman-las-calles/> (accessed: 17.09.2020).

Manifestación desde las alturas: videos muestran la histórica convocatoria de la "Marcha más grande de Chile" (2019). La Tercera. URL: <https://www.latercera.com/nacional/noticia/manifestacion-desde-las-alturas-video-muestra-la-historica-convocatoria-la-marcha-mas-grande-chile/878392/> (accessed: 14.09.2020).

Okuneva L.S. (2020) Latinskaja Amerika prishla v dvizhenie: v chem smysl social'nyh protestov oktjabrja 2019 goda? *Latinskaja Amerika*. №1, pp. 8–21. DOI: 10.31857/S0044748X0007755-9

Pjatakov A.N. (2020) Fenomen social'nyh protestov v Latinskoj Amerike v 2019 g. Global'nyj kontekst i jekvadorskij case-study. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 25. Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaja politika*. T. 12. № 2, pp. 7–43.

Shumakov A.A. (2019) «Zheltye zhiletty»: genezis dvizheniya. *Izvestija Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. № 1, pp. 19–32.

Timofeev P.P. (2019) Vlijanie dvizheniya «zheltyh zhiletov» na politiku Francii: predvaritel'nye itogi. V kn. Menjajushhij Zapad i ego rol' v regulirovanii global'nyh processov. MJeIMO, Moscow, pp. 33–44.

Chilean and French Social Protests of 2018–2020: A Comparative Analysis

Received 24.09.2020

Author: Piatakov A., Candidate of Sciences (Politics), Leading Researcher, Institute of Latin American Studies, Russian Academy of Sciences (ILA RAS). **Address:** 21/16, Bolshaya Ordynka street, Moscow, Russia, 115035. **E-mail:** anpyatakov@yandex.ru

Abstract. The article provides a comparative analysis of the Chilean protests, which began in 2019 and the Yellow Vests actions, which had started a year earlier. In the 2019 global protest wave, the Chilean and French social crises have some unique characteristics, which include the sustainability of protest activity and the advancement of fundamental demands going beyond the current problems. The author analyzes both protests' interaction and their impact on each other. Several similarities of both protests revealed: lack of political leadership; the horizontal format of movements built upon the network principle; their remoteness from leading political parties, that is, the non-partisan nature of protests; all-national scale, etc. Chilean rallies were more radical in its nature involving a higher number of participants with a broader social base. The author explains difference in the protests' political orientation: the left agenda dominated in Chile, while in France the movement was meta-ideological (neither right nor left). The author concludes that in Chile the protest was more mature and managed to achieve more significant results such as the constitutional reform.

Key words: Chile, France, social protest, Yellow Vests, protest triggers, political presentation crisis.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope62020119128>